

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

КЕННЕТ КЛАРК

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Издательство Колибри

Кеннет Кларк

Цивилизация

«Азбука-Аттикус»

1969

УДК 008
ББК 71

Кларк К.

Цивилизация / К. Кларк — «Азбука-Аттикус», 1969

ISBN 978-5-389-20358-7

В 1969 г. телеканал Би-би-си представил зрителям документальный сериал «Цивилизация. Личный взгляд Кеннета Кларка». Скептики были озадачены: кого, в самом деле, в 60-х могли заинтересовать взгляды на историю западной цивилизации лорда Кларка — историка искусства, без малого ровесника века, ученого эстета, любителя твидовых костюмов и обладателя собственного замка (в котором даже не было телевизора)? Скептики оказались посрамлены: сериал побил все рекорды популярности, положил начало жанру, а Кларк с его рафинированной речью и аристократическим произношением стал любимцем публики. В том же 1969 г. сборник сценариев сериала был опубликован в виде книги, немедленно ставшей бестселлером, переведенной на многие языки и по сей день регулярно переиздаваемой как в Англии, так и в других странах. Сейчас, по прошествии лет, еще более очевидно, что благодаря своей поистине феноменальной эрудиции Кеннет Кларк справился с невероятной сложности задачей. Мастерски легко он переносит своих зрителей — и читателей — из страны в страну, из эпохи в эпоху, словно кусочки мозаики, вдохновенно расставляет по местам идеи, книги, здания, произведения искусства и великих людей, создавая замысловатую и увлекательную картину «цивилизации по Кларку». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 008
ББК 71

ISBN 978-5-389-20358-7

© Кларк К., 1969

© Азбука-Аттикус, 1969

Содержание

Предисловие	7
1. Игольное ушко	10
2. Великое потепление	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кеннет Кларк Цивилизация

Kenneth Clark
Civilisation

* * *

Copyright © The Estate of Kenneth Clark 1969

First published in Great Britain in 1969

The moral right of the author has been asserted

All rights reserved

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2021

© А. Б. Захаревич, перевод стихов, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа Азбука-Аттикус», 2021 Издательство Колибри®

Предисловие

Настоящая книга представляет собой сборник сценариев документального телевизионного сериала, премьера которого состоялась весной 1969 года. А писать тексты для телевизионных передач – далеко не то же самое, что писать книгу. Это касается не только общей стилистики и подачи, но и самого подхода к предмету. Люди садятся вечером перед телевизором в расчете на развлечение, и, если программа навевает скуку, они телевизор выключают. Интерес же подогревается и тем, что зрители слышат, и тем, что видят. Чтобы удержать их внимание, череда сменяющихся на экране образов должна быть хорошо продумана: последовательность образов часто задает последовательность идей. Отбор иллюстративного материала, в свою очередь, зависит от множества конкретных обстоятельств. Какие-то места попросту недоступны, какие-то здания невозможно снять на камеру, где-то стоит такой шум, что в нем тонет голос ведущего. Все это автор сценария обязан учитывать, и все это так или иначе корректирует или направляет ход его мысли. Но самое главное – каждую тему необходимо сознательно упрощать, поскольку на ее изложение отводится не больше часа. Лишь несколько выдающихся архитектурных сооружений или произведений искусства можно привести в качестве подтверждения своих слов, лишь несколько великих имен упомянуть: о том, чтобы дать им развернутую характеристику, как правило, нечего и думать. Отсюда неизбежны обобщения – причем на грани риска, иначе публика заскучает. В сущности, это не ново. Примерно так мы говорим в кругу друзей после ужина. И телевидение должно сохранять атмосферу непринужденной беседы, свободный ритм устной речи, порой допускающей языковые небрежности, иначе разговор будет звучать слишком напыщенно.

Просматривая свои сценарии и мысленно сравнивая их с соответствующими телевизионными передачами, я с огорчением сознаю ущербность печатной версии. Почти в каждом из телевизионных выпусков наибольший эффект достигался теми средствами, которые словами не заменишь. Например, в программе, озаглавленной «Обманчивость надежды»¹, вы слышите знакомый мотив «Марсельезы» и хор узников из бетховенского «Фиделио», вы видите потрясающе снятую скульптурную группу Родена «Граждане Кале»: все это вместе говорит именно то, что я хотел сказать, приступая к теме выпуска, притом с такой мощью, с такой наглядностью, каких невозможно достичь на странице печатного текста. Мысль и чувство для меня едины, и я глубоко убежден, что сочетание слова и музыки, цвета и движения выводят человеческий опыт далеко за пределы, доступные одним лишь словам. Вот почему я верю в телевидение, вот почему я согласился посвятить два года созданию телевизионных сценариев и посмотреть, что из этого получится. Благодаря профессиональной, искусной работе режиссеров и телеоператоров отдельные моменты нашего документального фильма, как мне кажется, способны и тронуть, и просветить наших зрителей. Но в книге они утрачены.

Зачем же я разрешил выпуск книги? Отчасти по слабохарактерности – не люблю говорить «нет», а в данном случае мне пришлось бы повторить это устно и письменно сотни раз. Отчасти из тщеславия – кто же устоит перед соблазном обнародовать свои суждения! В процессе работы над сериалом я заметил, что подчас высказываю вслух такие вещи, какие в иных обстоятельствах оставил бы при себе. И если мольеровский мещанин во дворянстве возликовал, узнав, что говорит прозой, я был немало изумлен, обнаружив, что у меня есть точка зрения. Наконец, мне позволено, надеюсь, иметь и более достойный побудительный мотив, а именно чувство благодарности. Листая свои записи, я понял, что в них выражена моя благодарность за тот драгоценный опыт длиною в пятьдесят лет, который подарила мне судьба. Почему пуб-

---

¹ См. гл. 12. – Здесь и далее примеч. перев.

личное выражение благодарности считается похвальным, я судить не берусь, однако так учит нас Божественная литургия, и мне, полагаю, простится подобная нескромность.

Естественно, моим первым желанием было значительно расширить сценарии телевизионных программ и придать им более литературную форму. Но вскоре я понял: если прояснять каждую аллюзию и обосновывать каждое обобщение, понадобится еще год работы, а изложение в результате утратит непринужденность и динамику, что не пошло бы на пользу книге. В итоге мне пришлось смириться с теми изначальными ограничениями, которые определили характер сопроводительного текста, и довольствоваться незначительными переделками, внося лишь самые необходимые изменения или полностью выбрасывая те куски, которые непонятны без параллельного зрительного ряда. Когда линия ваших рассуждений подчинена визуальному образу, говорить о строгой логике и солидной аргументации не приходится, и мне до сих пор стыдно за многие серьезные упущения. Сколь угодно беглый обзор цивилизации должен отводить философии и праву намного больше места, но я не сумел придумать зрелищный способ подачи этих важных цивилизационных аспектов. Подобная ущербность особенно остро чувствуется в разговоре о Германии. Пространно рассуждая о баварском рококо, я практически обхожу молчанием Канта и Гегеля. Вместо того чтобы стать одним из главных героев выпуска, Гёте оказался всего лишь проходным персонажем, а немецкие романтики и вовсе остались за кадром. Другие умолчания вызваны элементарной нехваткой времени. Первоначально я планировал одну программу целиком посвятить классицизму – от Палладио до конца XVII века. Это позволило бы включить в обзор Корнеля и Расина, Мансара и Пуссена. Вполне вероятно, несостоявшийся выпуск стал бы одним из самых удачных во всем сериале. Но не тут-то было: оказывается, число 13 более или менее канонично для телевизионных сериалов, так что с этой идеей пришлось распрощаться. Соответственно, удельный вес барокко неоправданно вырос за счет классицизма.

Большую роль (непомерно большую, по мнению отдельных критиков) в сериале играет музыка, тогда как поэзия представлена намного скромнее, и в этой связи я не вполне удовлетворен своим портретом елизаветинской Англии. Разумеется, нелепо выводить на сцену Шекспира исключительно как великого пессимиста, главного героя полувековой эпохи сомнений. Однако смягчить под занавес краски при помощи пары-тройки банальностей по адресу «Сна в летнюю ночь» и «Ромео и Джульетты» было бы еще хуже.

Некоторые из вопиющих лакун сериала продиктованы его заглавием. Если бы речь шла об истории искусства, оставить Испанию за скобками было бы немислимо. Но если мы спросим себя, в какой мере Испания расширила границы наших представлений, заставила человечество сделать очередной шаг к вершине, ответ будет не столь очевиден. «Дон Кихот», великие святые, иезуиты в Южной Америке? В остальном Испания была просто Испанией, а поскольку я стремился в каждой программе показать следующий этап развития европейского сознания, рассказывать без видимых причин об одной отдельно взятой стране значило бы пойти наперекор основному принципу.

Здесь пора добавить несколько слов о самом названии сериала, которое я сохранил и для книги. Всею виной случай. В один прекрасный день Би-би-си задумала снять цикл документальных телефильмов об искусстве и обратилась ко мне с предложением выступить в качестве автора. В разговоре со мной Дэвид Аттенборо, возглавлявший канал «Би-би-си 2», употребил слово «цивилизация» – оно-то и побудило меня согласиться. В тот момент я затруднился бы дать этому понятию четкое определение, однако полагал, что цивилизация лучше варварства и, может быть, настало время прямо так и сказать. Тогда же, пока мы сидели за ланчем и все наперебой меня уговаривали, мне в голову пришла идея, как можно было бы преподнести эту тему, и в дальнейшем я почти не отступал от того спонтанно родившегося плана. Он подразумевал, что речь пойдет только о Западной Европе. Чтобы охватить такие древние цивилизации, как Египет, Сирия, Греция и Рим, понадобилось бы по меньшей мере еще десять программ; то же

самое справедливо в отношении Китая, Персии, Индии и всего исламского мира. Мне с лихвой хватило одной Европы, поверьте! Помимо всего прочего, я не думаю, что можно пытаться понять культуру, не зная языка этой культуры, который во многом определяет ее характер, а я, к сожалению, не владею восточными языками. Не лучше ли было в таком случае отказаться от названия «Цивилизация»? Этому мне не хотелось, потому что слово «цивилизация» послужило для меня исходным толчком и на протяжении всей работы оставалось своего рода стимулом. Не могу представить, чтобы кому-то пригрезилось, будто я просто забыл о существовании великих цивилизаций дохристианской эпохи и Востока. Хотя, признаюсь, название до сих пор беспокоит меня. В XVIII веке с этим было бы куда проще: «Соображения о природе цивилизации на примерах сменяющих друг друга этапов цивилизованной жизни в Западной Европе – от Средневековья до наших дней». Увы, такая обстоятельность нынче не в моде.

«Хочу выразить свою признательность»... На этих словах читатель обычно прерывает чтение. Но вклад режиссеров Майкла Гилла и Питера Монтаньона, а также режиссера-консультанта Энн Тёрнер обязывает к признательности иного рода, нежели стандартные слова благодарности разным помощникам – библиотекарям, фотографам, секретарям и так далее. Дело в том, что в ходе наших совместных дискуссий решались не только вопросы, касавшиеся выбора натуры и других сторон телепроизводства, но вырабатывалось конкретное содержание каждой программы. В этих обсуждениях рождались новые идеи, и, как часто бывает, когда люди тесно сотрудничают, под конец никто уже не помнил, кому из нас принадлежит та или иная счастливая находка. Парадоксальным образом непреодолимые технические препятствия подстегивают творческую изобретательность. Я лишний раз убедился в справедливости расхожей истины: трудная рифма нередко открывает путь к блестящей мысли. Невозможно перечислить все, чем я обязан Би-би-си. Невозможно представить больше понимания, доверия, эффективности со стороны руководства, которое, в довершение всего, подыскало для книги редактора, человека необычайно острого ума и неистощимой энергии, – Питера Кэмпбелла. О таком редакторе всякий нерадивый автор вроде меня может только мечтать.

Мой секретарь Кэтрин Портеус и все члены съемочной группы, почти два года работавшие со мной бок о бок, очень помогли мне и также должны быть упомянуты в книге, созданной по следам телевизионного сериала. Это оператор-постановщик Адольф Артур Ингландер, оператор Кеннет Макмиллан, второй оператор Колин Дизен, техник Билл Паджет, осветители Дейв Гриффитс, Джек Проберт, Джо Кукси, Джон Тейлор, звукооператор Бэзил Харрис, ассистент звукооператора Малькольм Уэбберли, главный редактор Аллан Тайрер, редакторы Джесси Палмер, Майкл Шах Дайан, Питер Хилас, Роджер Криттенден, младший редактор Джун Лич, ассистенты продюсера Кэрол Джонс и Мэгги Хьюстон.

1. Игольное ушко

Я в Париже, на мосту Искусств. На одном берегу Сены – прекрасный в своей соразмерности фасад Института Франции, построенного в 1670 году как учебное заведение². На другом – Лувр, дворцовый комплекс, строительство которого началось в Средние века и завершилось в XIX столетии. И то и другое – бесспорные шедевры архитектурного классицизма. Выше по течению видны контуры собора Парижской Богоматери, заслужившего если не всеобщую любовь, то всеобщее признание благодаря фасаду, в котором наиболее последовательно воплотилась дидактическая программность готического искусства. Жилые дома, окаймляющие берега Сены, являют собой пример разумной, соразмерной человеку городской застройки. Перед ними вдоль набережной, в тени деревьев, тянутся книжные лотки: многие поколения студентов находили здесь пищу для ума, а поколения букинистов-любителей предавались культурному, «цивилизованному» досугу – поиску книг для пополнения своих коллекций. Полтора-два года учащиеся парижских художественных школ и коллегей спешат по этому мосту в Лувр и обратно, чтобы изучать музейные шедевры, а после, у себя в мастерских, спорить о них и мечтать о собственном достойном вкладе в развитие великой традиции. Сколько американских пилигримов, начиная с Генри Джеймса, стояли на этом мосту, вдыхая аромат многовековой культуры, ощущая себя в самом сердце цивилизации!

Что же такое цивилизация? Не знаю. Я не готов сформулировать это посредством абстрактных понятий – пока не готов. Но мне кажется, я могу распознать цивилизацию, когда вижу ее воочию – вот как сейчас. Джон Рёскин однажды сказал: «Автобиография великих наций складывается из трех летописей – книги деяний, книги слов и книги искусства. Ни одна из книг не может быть понята, если не прочитаны две другие, но из трех книг наибольшего доверия заслуживает последняя»³. Думаю, в целом это верно. Сколь ни поучительны для нас мысли и чувства писателей и политиков, они не более чем декларация о намерениях, выражающаяся современным языком. Если меня спросят, что скорее доносит правду о состоянии общества: речь министра жилищного строительства или дома, построенные в его бытность министром, – я выберу дома.

Из этого не следует, что история цивилизации есть история искусства, отнюдь. Замечательные произведения могут создаваться и в варварских обществах, более того – сама компактность примитивного общества способствует особой, предельно концентрированной выразительности его прикладного искусства. В IX веке на Сене можно было увидеть форштевень приближающегося корабля викингов. Сегодня, в качестве одного из экспонатов Британского музея, он воспринимается как впечатляющий памятник древнего искусства. Но в свое время для матери семейства, поспешно укрывшейся в хижине, он означал нечто иное и далеко не столь привлекательное, а именно угрозу ее цивилизации, символ, сопоставимый в наши дни с перископом атомной подводной лодки.

И здесь мне на ум приходит другой яркий пример – африканская маска, принадлежавшая Роджеру Фраю. Помню, когда он привез ее и повесил у себя на стене, мы с ним сошлись во мнении, что маска обладает всеми признаками выдающегося произведения искусства. Сегодня, как мне представляется, многие сказали бы, что маска трогает их куда больше, чем голова Аполлона Бельведерского. А между тем целых четыре столетия, после того как была найдена статуя Аполлона, его голова считалась непревзойденным скульптурным шедевром. Недаром Наполеон кичился тем, что захватил в Ватикане бесценный трофей. Теперь о мраморном Аполлоне

² Коллеж Четырех наций.

³ John Ruskin. *St. Mark's Rest: The History of Venice* (1884), Preface (Джон Рёскин. Отдых святого Марка: История Венеции, 1884. Предисловие).

никто не вспоминает, за исключением гидов, сопровождающих туристические автобусы; по-видимому, гиды – последнее передаточное звено традиционной культуры.

Каковы бы ни были художественные достоинства Аполлона, едва ли можно сомневаться, что по сравнению с африканской маской он воплощает в себе более высокую ступень цивилизации. И то и другое олицетворяет духов, посланцев иного мира, точнее – мира нашего воображения. Для негритянского воображения это мир страха и тьмы, сулящий жестокую кару за малейшее нарушение табу. Для эллинистического воображения это мир света и надежности, в котором боги совсем как мы, только красивее, и на землю они сходят, чтобы учить людей следовать голосу разума и законам гармонии.

Звучит прекрасно, однако слова словами, а дела делами: в греко-римском мире тоже хватало суеверия и жестокости.

Тем не менее контраст между двумя упомянутыми образными системами говорит о многом. Он говорит о том, что на определенном историческом витке человек в своем понимании самого себя – своего тела и духа – обнаружил нечто выходящее за пределы ежедневной борьбы за существование и еженощной борьбы со страхом и ощутил потребность развивать соответствующие свойства мысли и чувства, чтобы приблизить их к идеалу совершенства – сбалансированному сочетанию разума, справедливости и физической красоты. Эту потребность человек удовлетворял различными способами – посредством мифов, посредством песен и танцев, посредством философских учений, а также посредством упорядочения зримого мира. Плоды его воображения суть выражение некоего идеала.

Такой идеал и был унаследован Западной Европой. Придумали его в Греции в V веке до н. э., и это, вне всякого сомнения, самое невероятное изобретение за всю историю человечества – настолько цельное и убедительное, настолько отрадное для глаз и ума, что оно оставалось практически неизменным на протяжении шести веков. Разумеется, искусство, выросшее из этого идеала, со временем выродилось в банальность. Один и тот же архитектурный лексикон, одна и та же образность, одни и те же театры, одни и те же храмы: на отрезке в пять сотен лет вы в любой временной точке могли обнаружить их по всему Средиземноморью, на территории Греции, Италии, Франции, Малой Азии и Северной Африки. Окажись вы на площади любого средиземноморского города в I веке н. э., вы не сразу сообразили бы, куда вас занесло: попробуйте угадать название города и страны, оказавшись в современном аэропорту! Взять, к примеру, так называемый Мезон Карре («квадратный дом») в Ниме на юге Франции – небольшой греческий храм, который мог появиться в любом месте греко-римского мира.

Ним расположен неподалеку от побережья Средиземного моря. Но греко-римская цивилизация простиралась много дальше – до Рейна и шотландской границы, хотя к тому времени, как она добралась до Карлайла, она заметно огрубела, наподобие викторианской цивилизации образца Северо-Западной пограничной провинции в Индии. Цивилизация эта наверняка казалась абсолютно несокрушимой. И такое впечатление частично подтвердилось: кое-что от нее уцелело. Например, Пон-дю-Гар, акведук в окрестностях Нима, полностью устоял под натиском разрушительной стихии варваров (если иметь в виду сложенное из камня сооружение, а не цель, ради которой оно было воздвигнуто). Фрагментов и подавно сохранилось великое множество – достаточно заглянуть в Античный музей Арля. «Обломками сими подпер я руины мои»⁴. И когда дух человеческий воспрянул, величавые фрагменты послужили художественным ориентиром для строителей местных церквей. Но не будем забегать вперед.

Что же случилось? Упадку и крушению Римской империи Эдвард Гиббон посвятил шеститомный труд⁵, поэтому я лучше оставляю вопрос без ответа – коротко ответить не получится, не стоит и начинать. Но сам исторический факт, на первый взгляд почти неправдопо-

⁴ Т. С. Элиот. Бесплодная земля (1922). Перевод С. Степанова.

⁵ Эдвард Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи (1776–1788).

добный, сообщает нам нечто важное о природе цивилизации: какой бы сложноорганизованной и незыблемой ни казалась цивилизация, на деле она весьма и весьма уязвима. Она может пасть. Назовем ее главных врагов. Во-первых, это страх – страх войны, страх вторжения извне, страх эпидемий и голода, страх всего, что обесценивает любой созидательный труд: зачем строить, сажать деревья, думать о будущем урожае? А еще страх перед сверхъестественным, который запрещает вам сомневаться и что-либо менять. Мир поздней Античности был полон бессмысленных ритуалов, мистических религиозных практик, подрывавших веру человека в собственные силы. Прибавьте к этому усталость и опустошенность, ощущение безнадёжности, которому подвержены порой даже люди с высоким уровнем благосостояния. В начале XX века греческий поэт Кавафис написал стихотворение, в котором попытался воссоздать настроение жителей древнего города, скажем Александрии, день ото дня живущих в ожидании завоевателей-варваров. В конце концов полчища варваров прошли стороной, угроза миновала. Но люди разочарованы: «И что же делать нам теперь без варваров? Ведь это был бы хоть какой-то выход»⁶. Разумеется, цивилизация подразумевает хотя бы относительное материальное благополучие, способное обеспечить какой-никакой досуг. Но в еще большей степени цивилизации необходимы уверенность и вера – уверенность в стабильности ее общественного устройства, вера в ее философию и ее законы, уверенность каждого ее представителя в своих внутренних силах. В каменной кладке акведука Пон-дю-Гар запечатлен не только триумф технического мастерства, но и живая вера в закон и дисциплину. Энергия, напор, жизнелюбие: великие цивилизации – или цивилизационные эпохи – немыслимы без заряда энергии. Люди думают порой, что цивилизованность заключается в рафинированном вкусе, умении поддержать остроумную беседу и прочем в том же роде. Но все это не более чем приятные *результаты* цивилизации, а не то, на чем она зиждется, и общество, где наличествуют подобные милые черты, одновременно может быть косным и безжизненным.

Итак, подлинной причиной краха греко-римской цивилизации стала ее собственная усталость – цивилизация выдохлась. Как выдохлись и те, кто первыми вторгся в ее пределы. Они словно поддались общей расслабленности, охватившей покоренный ими народ. В истории такое случается сплошь и рядом. Заметим, кстати, что называть их варварами допустимо лишь условно. Судя по всему, они не были одержимы слепой жадой разрушения и даже оставили после себя кое-какие внушительные постройки, в частности мавзолей Теодориха⁷ – грубовато-тяжеловесный по сравнению с маленьким греческим храмом в Ниме, в чем-то перекликающийся с древними мегалитами (низкий купол мавзолея вытесан из цельного камня), но воздвигнутый все-таки с прицелом на будущее. Тех первых завоевателей не зря сравнивают с английскими колонизаторами XVIII века в Индии – они вторглись в чужие пределы, чтобы пожить чем только можно, вмешивались в управление подвластной им территории, если это сулило им выгоду, и с презрением относились к местной традиционной культуре за одним-единственным исключением: им нравились изделия из драгоценных металлов. Но в отличие от англичан они принесли хаос, и в этот хаос хлынули уже настоящие варвары, вроде гуннов, глубоко невежественные и агрессивно-враждебные ко всему, что было выше их разума. Я не хочу сказать, будто они задались целью уничтожить великолепные сооружения, разбросанные по всему римскому миру. Но и заботиться об их сохранности никто не собирался. Варвары предпочитали жить в своих «префабах» и равнодушно смотрели, как рушатся памятники старины. Однако жизнь продолжалась, и довольно долго все, казалось бы, шло своим чередом – дольше, чем можно было себе представить. На арене в Арле по-прежнему сражались гладиаторы, на сцене театра в Оранже по-прежнему ставились пьесы. В 383 году крупный имперский сановник Авсоний мог преспокойно удалиться в свое имение близ Бордо возделывать вино-

⁶ Константинос Кавафис. Ожидая варваров (1904). Перевод С. Ильинской.

⁷ Построен в 520 г.

градник (и поныне известный как Шато Озон) и писать прославившие его стихи, совсем как просвещенный китайский вельможа эпохи династии Тан.

Цивилизация еще долго скользила бы вниз по течению, если бы в середине VII века не возникла новая сила со своей верой, энергией, волей к победе и альтернативной культурой: ислам. Мощь ислама в его простоте. Раннехристианская церковь три века распыляла свое могущество в бесконечных богословских распрях, сталкивая лбами разные группы своих адептов. Тогда как исламский пророк Магомет проповедовал наипростейшее из всех признанных мировых учений, и это учение обеспечило небывалую сплоченность его последователей – некогда такая сплоченность вела вперед римские легионы. За баснословно короткое время – какие-то пятьдесят лет – античный мир был сокрушен. Лишь кости его еще белели на фоне синего средиземноморского неба.

Прежний животворный источник цивилизации оказался наглухо запечатан, и если новой цивилизации суждено было родиться, ее колыбелью должна была стать Атлантика. Соблазнительная надежда! В наше время люди иногда говорят, что предпочли бы цивилизации варварство. Думаю, им просто не доводилось прочувствовать на себе все прелести варварства. Подобно жителям Александрии, они пресытились цивилизацией, но все имеющиеся у нас свидетельства убеждают в том, что варварство удручает неизмеримо сильнее. Даже если забыть про неудобства и лишения, от варварства негде спрятаться. Круг общения крайне ограничен, ни книг, ни света вечерами, полная безысходность. Посмотришь в одну сторону – там волны бьются о берег, в другую – бескрайние леса и болота. Унылое житье, и англосаксонские поэты отнюдь не идеализировали его:

...муж мудрый, —
 понимать он должен,
 какое горе, когда богатство
 гибнет без пользы,
 как ныне везде
 в срединном мире:
 ветрам открытые,
 покрытые инеем
 стены остались,
 опустели жилища...

стены опустели —
 попустил Господь,
 чтобы лишился жителей
 и шума людского
 город — создание гигантов;
 голо кругом⁸.

И все же лучше жить в убогой лачуге на краю света, чем в тени «созданий гигантов», ежечасно опасаясь очередного нашествия. Во всяком случае, так считали первые бежавшие на запад христиане. Это были выходцы из Восточного Средиземноморья, родины монашества. Некоторые обосновались в Марселе и Туре, но позднее, когда и там возникла угроза для жизни, они двинулись дальше, к труднодоступным скалистым берегам Корнуолла, Ирландии и Гебрид-

⁸ Отрывок из поэмы «Скиталец» (*The Wanderer*), входящей в рукописный сборник древнеанглийской поэзии VII–X вв. («Эксетерская книга», X в.). Перевод В. Г. Тихомирова. Цит. по: Древнеанглийская поэзия. М.: Наука (Литературные памятники), 1982. С. 71.

ских островов, прибывая туда на удивление большими партиями. В 550 году корабль доставил в Корк сразу пятьдесят ученых монахов, которые рассеялись по всей Ирландии в надежде обрести мало-мальски безопасное убежище и хотя бы горстку единомышленников. Надо видеть эти места, ставшие их убежищем! Если оценивать их с точки зрения последующих великих цивилизаций – Франции XII века или Рима века XVII, – то диву даешься, как на протяжении столь длительного времени, почти ста лет, выживало западное христианство. Чего стоит скальный монастырь на островке Скеллиг-Майкл, одиноком голом утесе, выступающем из воды на высоту семьсот футов в восемнадцати милях к западу от ирландского берега.

Что еще, кроме небольшого замкнутого сообщества образованных людей, поддерживало жизнь этой бродячей культуры? Не книги. Не строения. Даже если согласиться с тем, что деревянные постройки не сохранились просто в силу своей недолговечности, немногие уцелевшие каменные здания говорят лишь о крайней неприхотливости и полном отсутствии строительных навыков. Кажется, кто угодно сумел бы соорудить что-нибудь получше. Вероятно, скитальцы утратили внутренний импульс к основательному обустройству на новых местах. Чем же они дорожили? Ответ мы находим в поэзии англосаксов: *золотом*. Всякий раз, когда древний поэт пытается выразить словами свой общественный идеал, он вспоминает о золоте:

...и вот – развалины,
кучи камня,
где сверкали прежде
золотом властные,
латами ратники
знатные, хмельные
казной любовались,
каменьями и серебром,
имением драгоценным,
мужи дружинные,
жемчугом самоцветным,
гордые, этим городом
в богатой державе⁹.

Среди переселенцев всегда были ремесленники, и вся нереализованная потребность людей облечь переменчивость жизни в какую-то неподвластную времени форму, достичь – пусть в малом – совершенства, влача свое несовершенное существование, воплотилась в изумительных украшениях. Здесь они добивались редкой художественной выразительности: возьмите любое изделие из драгоценных металлов, хотя бы шейную гривну-торк. Но вместе с тем здесь же наглядно проявилась полная оторванность мира Атлантики от греко-римской цивилизации Средиземноморья. В центре средиземноморского искусства всегда, начиная с Древнего Египта, стоял *человек*. Но вечные странники, прокладываявшие себе путь через лесные дебри и морские волны, больше думали о птицах и зверях, которые скрывались в густых зарослях, и мало интересовались человеческим телом. В годы Второй мировой войны в Англии были обнаружены два клада – оба в графстве Саффолк, на расстоянии шестидесяти миль друг от друга. Оба ныне хранятся в Британском музее. Предметы из Милденхолла украшены почти исключительно изображениями человеческих существ – персонажами античной мифологии (морские божества, nereиды и т. д.). Рисунок фигур оставляет желать лучшего, поскольку вещи

⁹ Отрывок из поэмы «Руины» (*The Ruin*), входящей в рукописный сборник древнеанглийской поэзии VII–X вв. («Эксетерская книга», X в.). Перевод В. Г. Тихомирова. Цит. по: Древнеанглийская поэзия. М.: Наука (Литературные памятники), 1982. С. 78.

датируются периодом заката античного мира, когда вера в человека пошатнулась и классические каноны воспроизводились формально и неубедительно. Клад из Саттон-Ху представляет собой содержимое погребального корабля. По возрасту он всего на пару столетий (или немногим больше) моложе милденхоллского – и что мы видим? Изображения человека почти бесследно исчезли. В тех редких случаях, когда человек все-таки появляется в качестве декоративного элемента, ему придается вид зашифрованного символа, иероглифа. На смену человеку приходят сказочные птицы и звери – замечу, кстати, что в «темные» века к птицам относились с большим почтением, чем нынче, если принять за образец наши рождественские открытки. И хотя по своей сюжете украшения из Саттон-Ху относятся к «варварской» культуре, по мастерству исполнения и безупречному чувству материала, по своим техническим и художественным достоинствам они определенно превосходят находки из Милденхолла.

Эта страсть к золоту и драгоценным камням, в которых словно бы отражается идеальный мир, в которых заключено какое-то непреходящее волшебство, была жива все время, пока длилась жестокая борьба за существование. Возможно, не так уж далеки от истины те, кто считает, будто западную цивилизацию спасли ремесленники. Пускаясь в дальний путь, племя брало с собой умелых людей. Кузнецы, занимавшиеся отнюдь не только художественным литьем и чеканкой, но и ковкой оружия и доспехов, были столь же необходимы для поддержания статуса вождя, как и барды, чьи арфы прославляли его ратные подвиги.

Однако для переписывания книг нужны намного более спокойные условия, и на Британских островах нашлось два-три относительно безопасных места. Одно из них остров Айона. Спокойное, святое место. Всякий раз, когда я приезжаю на Айону – в молодости я ездил туда ежегодно, – меня охватывает необыкновенное чувство: я словно ощущаю присутствие божественного начала. Это не тот благоговейный трепет, который испытываешь в других святых местах – в Дельфах или Ассизи, но здесь, как нигде, можно изведать умиротворение, освободиться от всего суетного. Но почему? Потому ли, что свет изливается на тебя со всех сторон? Или потому, что после сурово-торжественных видов оставшегося за спиной острова Малл ты сходишь на землю¹⁰, до странности напоминающую Грецию, а еще точнее – легендарный Делос? А может, такое действие оказывают на тебя гомеровский «понт темноводный», и белый песок, и розовый гранит? Или все дело в памяти о святых отцах, двести лет поддерживавших здесь искру западной цивилизации?

Айонское аббатство основал святой Колумба, прибывший на остров из Ирландии в 563 году. Складывается впечатление, что это место почиталось святым и до него, а после превратилось в главный центр кельтского христианства и оставалось таковым без малого четыре столетия. Говорят, на острове было установлено триста шестьдесят больших каменных крестов (почти все сбросили в море в период Реформации). Никто не знает, какие из дошедших до нас кельтских манускриптов были созданы здесь, а какие на острове Линдисфарн, близ побережья Нортумбрии, да это и не важно, поскольку и те и другие выполнены в так называемом ирландском стиле. Написанные красивым, четким, округлым шрифтом, они несли слово Божие по всему западному миру. Манускрипты богато украшены, но вот что удивительно: в их декорировке очень мало как от античной, так и от христианской культуры. Несмотря на то что манускрипты содержат Четвероевангелие, в них практически отсутствуют христианские символы, за исключением довольно свирепых, скорее ориентальных существ, символизирующих евангелистов. Редкие изображения человека примитивно-схематичны, а в одном случае даже оставлена пояснительная надпись: *IMAGO HOMINIS* – «образ человека». Зато чисто орнаментальные, сплошь покрытые сложным, «ковровым» узором страницы – непревзойденный шедевр абстрактного декоративного искусства, способный затмить самые изысканные образцы исламской орнаменталистики. Сейчас мы недолго, секунд эдак десять, любуемся ими и без

¹⁰ На Айону ходит паром с острова Малл.

сожалений перелистываем: нам не терпится перейти к чему-то более информативному, будь то текст или сюжетная миниатюра. Но представьте, что вы не умеете читать и что на ближайшие недели и месяцы это единственное доступное вам эстетическое удовольствие. Представьте, какой гипнотический эффект оказывали подобные «ковровые» листы рукописных книг! Вероятно, последним творением айонских монахов была знаменитая Келская книга. Но прежде чем работа над ней была завершена, тогдашнему настоятелю аббатства пришлось бежать с Айоны в Ирландию. На море стало еще беспокойнее, чем на суше: с севера наступали норманны, или викинги.

«Хотя бы в голове у каждого была тысяча языков, – говорит ирландский летописец, – их не хватило бы, чтобы описать все страдания, которые вынес ирландский народ... от этих воинственных и диких язычников»¹¹. (Кельты есть кельты!) У викингов, в отличие от других завоевателей, была своя замечательная мифология, впоследствии романтически переосмысленная Вагнером. От их рунических камней веет колдовской силой. Они дольше всех прочих народов Европы противились христианству. До нас дошли надгробия викингов эпохи позднего Средневековья, на которых с одной стороны выбиты символы Вотана, а с другой христианские – так сказать, и нашим и вашим. На передней панели резного костяного ларца из собрания Британского музея¹² мы видим слева кузнеца Вёлунда¹³, а справа Поклонение волхвов. Когда мы читаем страшные истории про кровожадных викингов, нелишне напомнить себе, что они были почти поголовно неграмотны и письменные свидетельства об их набегах оставлены монахами-христианами. Конечно, во время набегов викинги беззастенчиво убивали и грабили, однако они сыграли определенную роль в становлении европейской цивилизации. Эти морские разбойники остались в истории не только как разрушительная сила, а их неукротимый дух во многом определил характер западного мира. То дух Колумба, если угодно. Покинув свою северную гавань, викинги спускались по Волге в Каспийское море и добирались до Персии. На одном из мраморных делосских львов обнаружена оставленная ими руническая надпись. Каким мужеством и какой смекалкой нужно было обладать, чтобы проделать такой путь и вернуться домой с добычей, включавшей самаркандские монеты и китайского бронзового Будду!¹⁴ Да уже сама техническая оснащенность их походов – новое слово в развитии западного мира. И если мы хотим найти символ, в котором было бы выражено отличие человека Атлантики от человека Средиземноморья, символ, который можно было бы противопоставить греческому храму, то это корабль викингов. Греческий храм воплощает в себе статичность и основательность. Корабль – подвижность и легкость. До нас дошли два сравнительно небольших судна, использованные в качестве погребальных. Одно из них, Гокстадский корабль, предназначалось для дальних походов; его мореходные качества получили подтверждение в 1894 году, когда точная копия Гокстадского корабля успешно пересекла Атлантику. Даже на вид оно непотопляемо, как гигантская водяная лилия. Другое – так называемая Осебергская ладья – выполняло скорее церемониальные функции и было богато украшено резьбой. Вдоль форштевня тянется декоративный бордюр, в котором угадываются элементы будущего орнаментального стиля, условно называемого романским. Прибавьте ко всему сказанному исландские саги – одну из вершин мировой литературы, и нам придется признать, что норманны создали свою культуру. Считать ли ее цивилизацией? Монахи из Линдисфарна едва ли согласились бы с этим, как не согласился бы и Альфред Великий, и несчастная мать семейства, дрожащая от страха в своей хижине на берегу Сены.

¹¹ Сокращенная цитата из *Анналов Ульстера* (свод средневековых ирландских хроник, охватывающих период с 431 по 1540 г.).

¹² Так называемый ларец Фрэнкса (*Franks casket*), VIII в., китовая кость.

¹³ *Вёлунд* – первоначально герой древнеисландской «Песни о Вёлунде» («Старшая Эдда»); впоследствии – знаменитый бог-кузнец, персонаж англосаксонских легенд.

¹⁴ Из раскопок в г. Бирка, Швеция.

Цивилизация означает не только энергию и волю и не только творческий потенциал, а еще и нечто иное, чего у древних норманнов-викингов не было, хотя уже в их времена ростки этого «чего-то» начали вновь прорастать в Западной Европе. Как определить, что я имею в виду? Если совсем коротко, это ощущение постоянства. И скитальцы, и завоеватели пребывали в непрерывном движении. Им не было нужды заглядывать вперед – дальше следующего марта, следующего похода, следующей битвы. А значит, не было и нужды строить каменные дома или писать книги. Едва ли не единственным уцелевшим каменным сооружением, которое появилось раньше мавзолея Теодориха, является баптистерий в Пуатье. Об архитектуре тут сказать особо нечего. Строители попытались заимствовать у римлян некоторые элементы – капители, фронтоны, пилястры, – забыв, увы, об их назначении. Но в этой жалкой попытке хотя бы просматривается идея соорудить нечто долговечное. Не просто вигвам. Цивилизованный человек, как мне кажется, должен ощущать свою принадлежность к определенному пространству и времени, осознанно заглядывать вперед и оглядываться назад. А для этого весьма полезно уметь читать и писать.

Более пятисот лет это умение было редкостью в Европе. У нас не укладывается в голове, что столько веков практически никто из мирян, от императоров и королей до рядовых подданных, не владел навыками чтения и письма. Да, Карл Великий в конце концов выучился читать – и только. На склоне лет он держал возле кровати восковые таблички, чтобы упражняться в письме, но все его старания пошли прахом. Альфред Великий, человек незаурядного ума и таланта, в сорок лет овладел грамотой и оставил после себя несколько книг, хотя нельзя исключить, что писались они под его диктовку при участии узкого круга ученых советников. Люди, облеченные властью, даже из среды духовенства, как правило, пользовались услугами секретарей, которые записывали их мысли и распоряжения, о чем свидетельствуют миниатюры в рукописных книгах X века. Представители высшего клира, разумеется, свободно читали и писали, и портреты евангелистов – неперменные (а иногда и единственные) иллюстрации в древних манускриптах – можно считать подтверждением этого факта, воспринимавшегося в X веке чуть ли не как доказательство богоизбранности. В то же время святой Григорий, сам великий Григорий Двоеслов, предстающий на резном окладе X века ревностным поборником учености, по слухам, уничтожил многие античные литературные памятники и даже целые библиотеки, дабы верующие не соблазнялись ими, а изучали бы Священное Писание. И он был отнюдь не одинок в своем порыве. Учитывая тогдашнюю нетерпимость ко всему языческому – вплоть до физического истребления, можно только удивляться, каким чудом литература дохристианской старины частично уцелела. Уцелела едва-едва, по правде говоря. Чтобы остаться наследниками греко-римской Античности, нам пришлось буквально протиснуться сквозь игольное ушко. Удалось это по одной-единственной причине: при всех переменах и гримасах истории человеческий разум остается более или менее постоянной величиной, а в течение нескольких столетий почти вся интеллектуальная элита вошла в лоно Церкви. И некоторые, как историк Григорий Турский, отличались не только выдающимся умом, но и широтой взглядов. Сейчас трудно судить, какими античными текстами располагали кельтские монастыри. Во всяком случае, когда ирландские монахи примерно в 600 году начали проповедовать в Европе, во многих местах, таких как Тур и Тулуза, они несомненно обнаружили римские манускрипты. Однако монастыри не стали бы оплотом цивилизации, не будь в окружающем их мире хотя бы минимальной стабильности, и такая стабильность на территории Западной Европы впервые была достигнута в королевстве франков.

Достигнута – в смысле завоевана. Все великие цивилизации в период своего становления опираются на военные успехи. Римляне были наиболее организованными и безжалостными воинами на землях Лация. В точности как франки на своих землях. Хлодвиг и его преемники не только били врагов, но и умели удерживать власть над ними, проявляя изощренную жестокость – даже по меркам нашей с вами недавней истории. Войны, войны, войны. На изображе-

ниях IX века можно заметить, что всадники уже пользуются стременами – чуть ли не впервые в истории, – и любители механистических объяснений считают этот факт главной причиной побед франкской конницы. Иногда кажется, что VII и VIII века – это какой-то затянувшийся вестерн: сходство усиливается за счет присутствия «в кадре» наших добрых друзей – шерифа и маршала (да, уже в VIII веке!). Только там у них все намного страшнее, без намека на сентиментальность или благородство. Впрочем, не воевать было нельзя. Если бы в 732 году Карл Мартелл не одержал победу над маврами в битве при Пуатье, возможно, мы не рассуждали бы сейчас о западной цивилизации; а если бы его внук Карл Великий не затевал одну за другой военные кампании, идея объединенной Европы никогда никому не пришла бы в голову.

Карл Великий первым из исторических деятелей со времен падения Рима вышел из тьмы на свет. Легендарная личность, он давно превратился в мифического героя. Великолепный бюст-реликварий в Ахенском кафедральном соборе, изготовленный спустя примерно пятьсот лет после смерти Карла и хранящий части его черепа, рассказывает нам о том, как воспринимали Карла Великого в эпоху Высокого Средневековья, – рассказывает языком, который наверняка одобрил бы и сам франкский император, ибо это язык золота и драгоценных камней. Примечательно, что реальный человек, подробно описанный современным ему биографом, не так уж сильно отличается от своего мифического образа. Это был представительный мужчина, ростом более шести футов, с голубыми глазами и умным, пронзительным взглядом, и только неожиданно писклявый голос слегка портил впечатление; усы у него были как у моржа, бороду он брил. Карл без устали занимался государственным управлением, в том числе и на покоренных им землях – в Баварии, Саксонии и Ломбардии. Административное устройство его империи намного превосходило потенциал той полуварварской эпохи. В сущности, империя Карла Великого была искусственной конструкцией и не пережила своего создателя. Но давний стереотип, будто бы именно он спас цивилизацию, возник не на пустом месте, потому что благодаря ему мир Атлантики восстановил разорванную связь с древней культурой Средиземноморья. И хотя после смерти императора на Европу обрушилось немало бедствий, ситуация «игольного ушка» больше не повторилась. Цивилизация прошла сквозь него.

Как же Карлу удалось совершить это чудо? Прежде всего благодаря великому наставнику, философу-богослову Алкуину Йоркскому, под чьим руководством Карл стал собирать книги, которые затем копировались в его придворном скриптории. Не все отдадут себе отчет в том, что с античных времен до нас дошло только три-четыре подлинных манускрипта: всем знанием об античной литературе мы обязаны тем, кто собирал и переписывал труды классиков, и начало этой деятельности было положено при Карле Великом. За редким исключением сочинения античных авторов, дожившие до VIII века, дожили и до наших дней. Копируя древние манускрипты, придворные каллиграфы-переписчики разработали самый совершенный из всех поныне существующих латинских шрифтов – совершенный не только в эстетическом, но и в практическом отношении. Недаром гуманисты эпохи Возрождения, искавшие замену тяжелому, угловатому готическому письму, с энтузиазмом вернулись к четкому, красивому, удобочитаемому каролингскому минускулу. По большому счету это наш с вами современный латинский шрифт. Как многие талантливые люди, которым пришлось долго и упорно прокладывать себе дорогу к знанию, Карл Великий понимал ценность образования, в частности для создания как можно более широкого слоя образованных мирян. С этой целью он издал серию указов, предписывавших открывать при каждом монастыре и епископской кафедре школы, где бы юношей обучали «псалмам, нотам, песнопениям, счету и летосчислению, грамматике...»¹⁵.

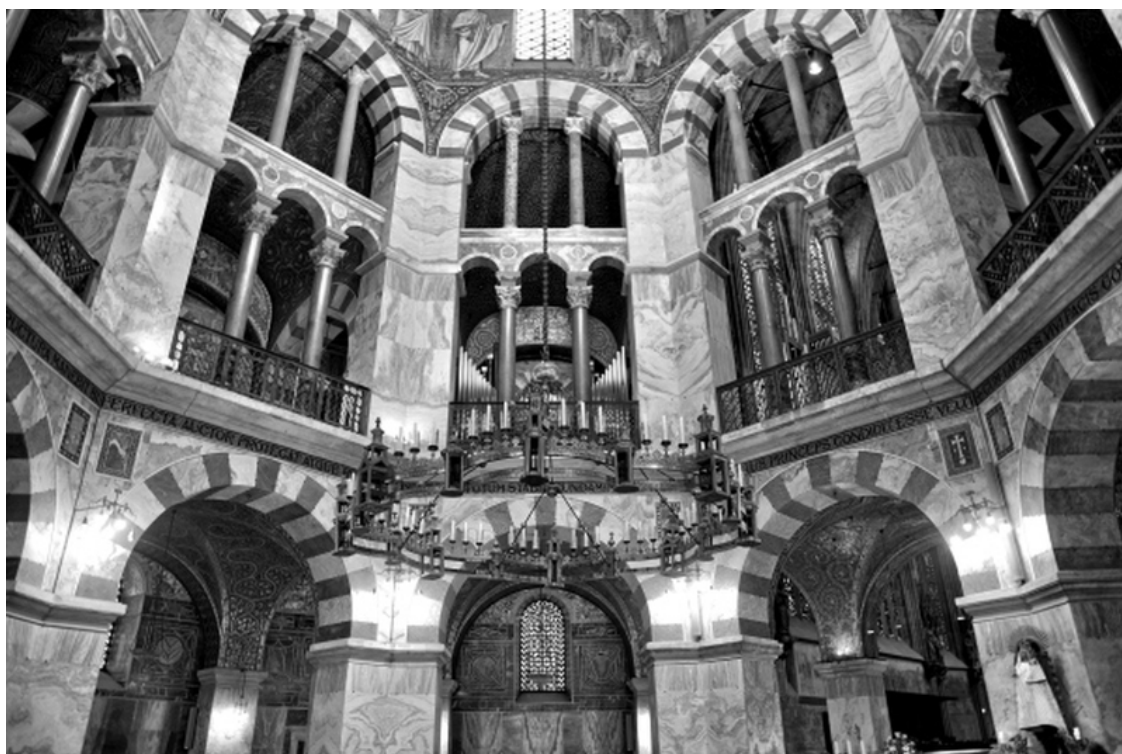
¹⁵ Основу образования в раннем Средневековье составляла римская система Семи свободных искусств, включавшая две ступени: тривиум – грамматика, диалектика (логика) и риторика; и квадривиум – геометрия, арифметика (счет), астрономия (сведения о календаре и правила расчета подвижных церковных праздников) и музыка (церковное пение).

А ведь сколько воды утекло, пока мы пришли к тому, что называем сейчас «либеральным образованием».

Проникшись имперскими амбициями, Карл Великий обратил свой взор не только на античную цивилизацию, но и на ее посмертную ипостась – Византийскую империю. Четыре столетия Константинополь был главным городом мира – и единственным, который почти не пострадал от вражеских набегов. Это несомненно была цивилизация. В ней рождались уникальные произведения архитектуры и искусства. Но она существовала практически отдельно от Западной Европы, частично из-за греческого языка и конфессиональных различий, но главное – из-за нежелания ввязываться в кровавые схватки с западными варварами: ей в пору было отбиваться от своих, восточных. Кое-что из византийского искусства все же просочилось на Запад и послужило моделью для первых изображений человека в иллюминированных манускриптах VIII века. Но в целом Византия оставалась более обособленной от Запада, чем исламский мир с его мощным интеллектуальным центром на юге Испании. Триста лет нога византийского императора не ступала в Риме, и, когда в 800 году туда прибыл Карл Великий, увенчанный славой покорителя земель, папа возложил на его голову императорскую корону, фактически провозгласив владыкой новой Священной Римской империи – вопреки тому, что номинальный император сидел в Константинополе. По слухам, Карл Великий задним числом считал происшедшее ошибкой. Возможно, не без оснований. Де-факто папа римский провозгласил свое верховенство над императором, и впоследствии это стало причиной – реальной или надуманной – трехсотлетнего противостояния Короны и Церкви. Впрочем, выносить исторические оценки – дело рискованное. Как знать, может быть, трения между духовной и светской властью в Средние века, наоборот, помогли европейской цивилизации выжить. Если бы та или другая сила достигла абсолютного господства, общество могло впасть в состояние застоя, как это случилось с цивилизациями Египта и Византии.

Возвращаясь из Рима домой, Карл посетил Равенну и увидел величественные архитектурные сооружения с роскошными интерьерами, построенные при византийских императорах, которые, к слову сказать, никогда в Равенну не наведывались. Увидел, в частности, мозаичные портреты императора Юстиниана и его жены Феодоры в базилике Сан-Витале – и впервые осознал, каким великолепием может окружить себя императорская власть. (Добавлю в скобках, что сам он всегда одевался просто, довольствуясь однотонной голубой мантией поверх обычного франкского платья.) По возвращении в свою ахенскую резиденцию (устроенную вблизи термальных источников: Карл обожал купаться) он решил построить по образцу Сан-Витале дворцовую капеллу. Создать точную копию не получилось. Придворный архитектор, некто Одон из Меца, не сумел воспроизвести сложную конструкцию старинного оригинала. Но по сравнению с предыдущими, откровенно неумелыми каменными постройками – вроде баптистерия в Пуатье – ахенская капелла достойна изумления.

Разумеется, мастеров, как и мраморные колонны, доставили с Востока, поскольку Западная Европа при Карле Великом вновь стала взаимодействовать с внешним миром. Карл даже получил в дар слона по имени Абдуль-Аббас от халифа Харуна ар-Рашида, известного нам по сказкам «Тысячи и одной ночи»; во время одного из военных походов слон умер, а из его бивней вырезали шахматные фигуры, частично сохранившиеся.

Восьмигранная дворцовая капелла. 796–806. Ахенский собор © getty/istock/Alxpin

Будучи властителем империи, простиравшейся от Дании до Адриатики, Карл Великий собрал у себя несметные сокровища со всех концов света: драгоценные камни, камеи, резную кость, шелка... Но ключевую роль сыграли книги – не только тексты, но и книжные иллюстрации и переплеты. Развивая никогда не прерывавшуюся традицию рукописной книги, художники Каролингского возрождения создавали подлинные шедевры. Самые роскошные иллюминированные манускрипты предназначались для придворной библиотеки или отправлялись в качестве дорогих даров в разные уголки Европы. Миниатюристы часто брали за основу позднеантичные или византийские образцы, которые давно утрачены и о которых, как и об античной литературе, мы узнали исключительно благодаря каролингским копиям (спискам). Наиболее любопытны листы, имитирующие стиль античных фресок с их архитектурными фантазиями, столь распространенными во всем римском мире, от Испании до Дамаска. Иллюминированные манускрипты ценились так высоко, что уже в эпоху их производства сложилась практика «одевать» книжный блок в немыслимо дорогой, обильно декорированный переплет или оклад. Зачастую крышка переплета была украшена вставкой из резной кости в обрамлении листового золота и драгоценных камней. Немногие манускрипты дошли до нас в своем полном убранстве: раньше или позже находились охотники присвоить золото и камни; резным вставкам повезло больше, и в определенном смысле эти скульптурные миниатюры – едва ли не самый надежный источник сведений об интеллектуальной жизни Европы на протяжении двух столетий ее истории.

После распада империи Карла Великого на карте Европы возникла конфигурация, отдаленно напоминающая ту Европу, которую мы знаем: на западе Франция, на востоке Германия, а между ними вечно недовольная Лотарингия. К X веку в германской части утвердилось государство саксонской династии, или династии трех Оттонов, коронованных императорами.

Историки склонны считать X век почти таким же царством тьмы и варварства, как и век VII, а все потому, что смотрят на него с точки зрения политической истории и письмен-

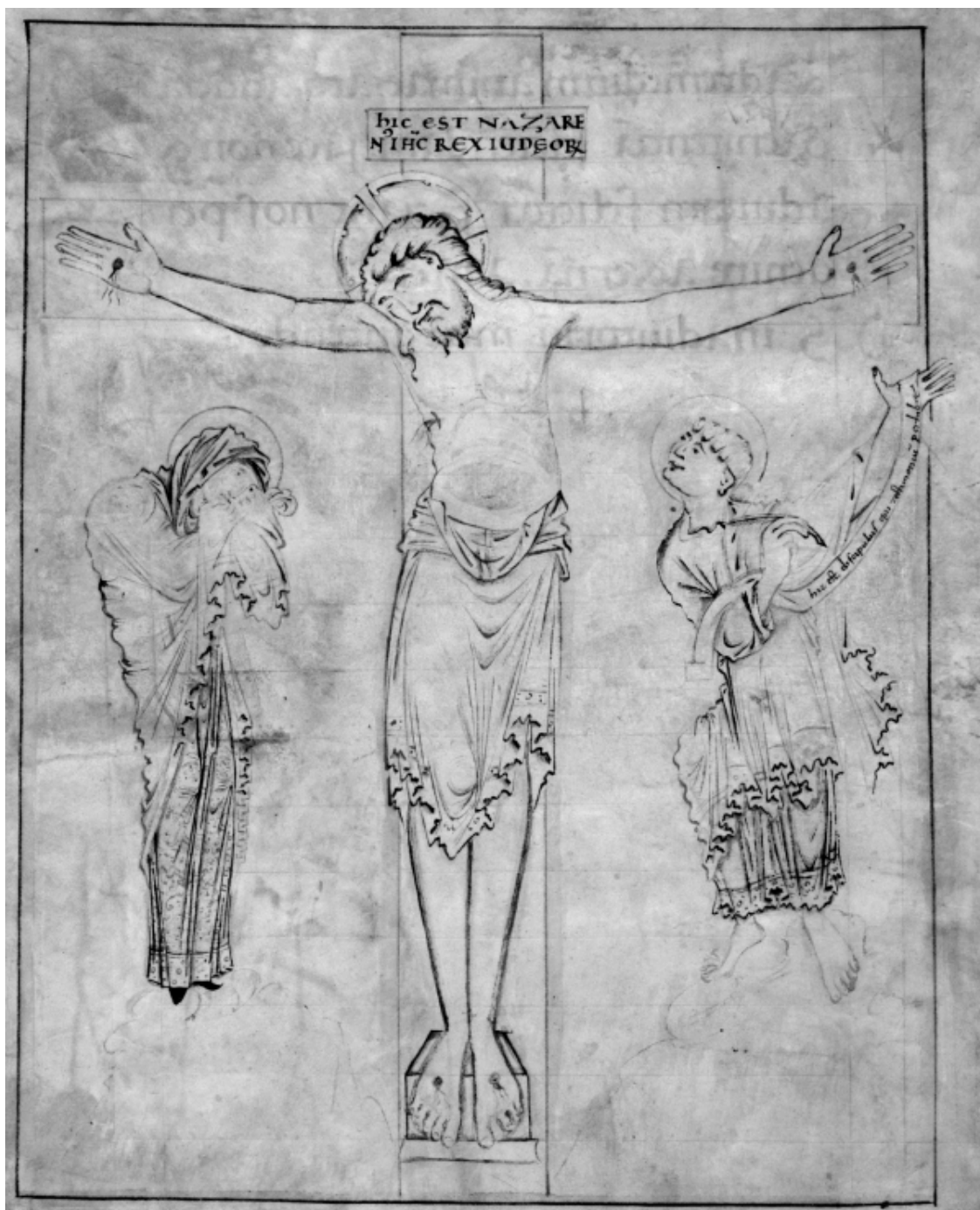
ного слова. Но если вспомнить, как Рёскин назвал свою книгу об искусстве того времени¹⁶, то мы получим совсем иное представление: оказывается, X век породил подлинно прекрасные творения, отмеченные высочайшим техническим мастерством и даже изысканностью вкуса. Изучая вопрос цивилизации, снова и снова убеждаешься, насколько рискованно ставить знак равенства между искусством и обществом. Художественное изобилие той эпохи поистине удивительно. Монархи-меценаты, например Лотарь и Карл Лысый, постоянно заказывали роскошные манускрипты в драгоценных окладах, которые рассылались в качестве дипломатических даров правителям и церковным иерархам. Если люди признают ценность произведения искусства как инструмента мягкого давления, то навряд ли можно считать их эпоху беспросветно варварской. Даже Англия, при жизни Карла Великого прозябавшая в потемках провинциальности, в X веке воспрянула и создала такие шедевры, что их и поныне считают непревзойденными в истории британского искусства. Можно ли сыскать более совершенный английский рисунок, чем сцена Распятия на фронтисписе псалтири из собрания Британского музея?

Или вспомним короля Этельстана – не до конца понятную и не самую героическую личность в английской истории: его коллекции, весьма подробно описанной, позавидовал бы сам мистер Пирпонт Морган, известный любитель золота, – просто побагровел бы от зависти! Разумеется, многие изумительные по красоте изделия служили реликвариями, вместилищами святых мощей: столь высокое предназначение позволяло художнику применять самые дорогие материалы и самую сложную технику, не опасаясь упреков в гордыне. Представление о том, что искусство способно одухотворить материальную субстанцию, принадлежит более позднему этапу развития средневековой мысли. Но сам принцип использовать произведения искусства для хранения христианских святынь выражает, пусть не напрямую, ту же идею. Все это ослепительное великолепие, сверканье золота и камней¹⁷, используется уже не для символического прославления свирепой воинской доблести, но во славу Господню.

---

¹⁶ Имеется в виду книга Джона Рёскина «Семь светочей архитектуры» (1849).

¹⁷ Отсылка к поэме «Руины» из «Эксетерской книги», см. примеч. выше.

Распятие из Псалтири Рамзи. Ок. 980

В X веке сложился тот характер христианского искусства, который сохранится до конца Средневековья. Для меня одним из самых глубоко трогающих душу произведений, дошедших до нас из седой старины, является так называемый крест Лотаря в сокровищнице Ахенского собора. Его лицевая сторона – это впечатляющее утверждение имперского статуса. В центре, в окружении крупных драгоценных камней на узорчатом золотом фоне, камья с профилем императора Августа – символом высшей светской власти в ее наиболее цивилизованном проявлении. Обратная сторона представляет собой гладкую серебряную поверхность с гравированным изображением распятого Христа. Простой контурный рисунок настолько прекрасен, что по сравнению с ним богатая лицевая сторона креста кажется суетно-помпезной. В этом образе весь личный и творческий опыт большого художника сведен к самой сути: это то, чего

добивался Матисс в своей капелле в Вансе, только в еще более концентрированной форме. И разумеется, это создание человека верующего.

Мы привыкли к тому, что Распятие – главный символ христианства, и нам трудно осознать, что в таком качестве этот образ утвердился в христианском искусстве далеко не сразу. На ранних этапах он практически не встречался, древнейший известный пример – панно на резных дверях базилики Санта-Сабина в Риме, помещенное где-то в углу и почти незаметное для зрителя. Объясняется все просто: в период становления Церкви остро нуждалась в притоке вновь обращенных, а с этой точки зрения Распятие – сюжет не слишком привлекательный. Вот почему в раннехристианском искусстве упор делается на чудеса, исцелениях и разных обнадеживающих догматах вероучения, таких как Воскресение и Вознесение. Распятие на дверях Санта-Сабина не только малозаметно, но и маловыразительно. Немногие сохранившиеся образы Распятия времен раннего христианства даже не пытаются воздействовать на эмоции зрителя. Только в X веке, этой пренебрежительно отринутой нами главе европейской истории, Распятие превратилось в экспрессивный, вызывающий к состраданию символ веры. Начиная с большого креста, изготовленного по указанию кёльнского архиепископа Геро, фигура распятого Спасителя обрела всем знакомые иконографические черты: широко раскинутые руки, поникшая голова, характерный изгиб тела.

В X веке люди не только прониклись сочувствием к физическим крестным мукам Христа – они уже были способны претворить сочувствие в ритуал. В оттоновской книжной миниатюре и резной кости впервые в западно-христианском искусстве раскрывается символическое значение литургии. В Евангелии аббатисы Уты мы наблюдаем поистине ориентальную роскошь декора, которая, по мнению иллюминатора и заказчика, пристала церковному ритуалу. Примечательна также теологическая содержательность изобилующих деталями миниатюр «кодекса Уты». Такой подход к оформлению возможен только в условиях уверенной в своей силе, победоносной Церкви. На резной пластине того же времени, служившей крышкой книжного оклада, мы видим торжественные, колонноподобные фигуры клириков, распевających псалмы и служащих мессу, – так и хочется назвать их *столпами* великого нового порядка.

Все эти дышащие уверенностью произведения доказывают, что к концу X века в Европе утвердилось новая власть, более могущественная, нежели власть любого короля или императора: Церковь. Если бы обычного человека той эпохи спросили, из какой он страны, он не понял бы вопроса; а вот на вопрос, из какой он епархии, ответил бы не раздумывая. Церковь играла не только организующую, но и гуманизирующую роль. Глядя на работы художников эпохи Оттоновского возрождения – резную кость или великолепные бронзовые двери, отлитые в начале XI века по заказу епископа Бернварда Хильдесхаймского, – я вспоминаю знаменитые строки Вергилия, великого связного между мирами Античности и Средневековья. Согласно его «Энеиде», буря прибила корабли Энея к незнакомому берегу, и чудом спасшийся герой подозревает, что попал в варварскую страну. Оглядевшись вокруг, он видит искусные рельефы, повествующие о недавних трагических событиях, и в изумлении произносит: «Слезы – в природе вещей, повсюду трогает души смертных удел»¹⁸.

Человек уже не обезличенный *imago hominis* («образ человека»), а именно человек со всеми присущими человеку душевными порывами и страхами, но главное – с представлениями о морали и с верой в авторитет Высшей власти. К 1000 году, тому самому году, когда многие робкие души со страхом ждали конца света, затянувшееся господство непоседливых варваров отошло в прошлое и Западная Европа приготовилась вступить в свою первую великую эпоху цивилизации.

¹⁸ Перевод С. Ошерова.

2. Великое потепление

В истории человечества случались периоды, когда по тем или иным причинам наша планета разогревалась – становилась более радиоактивной... Я не собираюсь выдвигать здесь научную гипотезу, но факт есть факт: за время своего существования человек раза три-четыре совершал эволюционный скачок, немыслимый в отсутствие исключительно благоприятных внешних условий. Один такой скачок произошел около 3000 года до н. э., когда внезапно возникла цивилизация – не только в Египте и Месопотамии (Двуречье), но и в долине реки Инд. Второй пришелся на конец VI века до н. э., когда не только свершилось чудо Ионии и Греции (небывалый расцвет философии, науки, искусства, поэзии, который и в последующие две тысячи лет оставался недостижимой вершиной), но и чудо духовного просвещения в Индии, которое по сей день не знает себе равных. Третий датируется примерно 1110 годом. Тогда перемены затронули, кажется, весь мир, но самые глубокие и разительные произошли в Западной Европе – где были всего нужнее. (На ум невольно приходит сравнение с российской «оттепелью».) Какую бы сторону жизни мы ни взяли – людские деяния, философию, общественное устройство, развитие технологий, – мы видим невероятный всплеск энергии, интенсификацию бытия. Римские папы, императоры, короли, епископы, святые, ученые, мыслители той эпохи были сродни исполинам, а исторические эпизоды – вспомним Каносское унижение Генриха IV, призыв папы Урбана к Первому крестовому походу, историю Абельяра и Элоизы, мученическую смерть святого Томаса Бекета – обретали эпическое величие, превращаясь во вневременные символы, которые и сегодня волнуют наши сердца.

Да, мы и сегодня можем наблюдать свидетельства тогдашних героических усилий, энергии, уверенности, силы воли и силы мысли. Несмотря на всю нашу механизацию и всеохватность современного материализма, Даремский собор и сегодня остается впечатляющим сооружением, а восточная часть Кентерберийского собора по-прежнему изумляет величием и сложностью архитектурного решения. А ведь эти упорядоченные каменные горы выросли из кучки деревянных построек! Такая мысль посещает каждого, кто наделен хоть каким-то историческим воображением. Но далеко не каждый осознает, насколько стремительно все произошло – в пределах одной человеческой жизни. Еще более невероятной перемене подверглась скульптура. Одна из немногих дошедших до нас церквей, построенных ранее 1000 года (с которым тогда были связаны апокалипсические страхи), находится в Турню (Франция)¹⁹. Архитектура ее проста, но внушительна, скульптура же откровенно примитивна и лишена даже варварской живой экспрессии. Пройдет еще полвека, прежде чем в скульптуре появится стилистическая и ритмическая определенность, знаменующая наступление великой эпохи в искусстве. И тогда все мастерство, изобретательность, чувство драмы, прежде находившие выражение в небольших, легко перевозимых с места на место изделиях ювелиров и резчиков по кости, вдруг явят себя в новом, монументальном масштабе.

Перемены такого рода подразумевают новые социальные и интеллектуальные условия. Подразумевают достаток, стабильность, технические навыки, но прежде всего – уверенность в своей способности реализовать долгосрочный проект. Откуда все это внезапно возникло в Европе? Ответов множество, но есть один, самый главный: торжество Церкви. Можно сказать, что западная цивилизация, по сути, создана Церковью. Говоря так, я не имею в виду Церковь как вместилище христианской истины и христианского духовного опыта – я имею в виду восприятие Церкви в XII веке: Церковь как власть – Экклесия, восседающая на троне подобно императрице.

¹⁹ Церковь Св. Филиберта в одноименном бенедиктинском аббатстве (осн. в IX в.) в Турню, Бургундия; отстроена после пожара (1009–1019).

Церковь обладала могуществом по ряду причин, носящих форму отрицания: она не страдала многими недостатками феодализма, не подчинялась законам о разделе наследства. Следовательно, она могла сохранять и приумножать свое имущество. Но были и другие причины, выступающие в утвердительной форме. Для образованных людей принять священный сан считалось нормальным и естественным, поскольку это открывало путь вверх, и тот, кто был никем, мог стать влиятельнейшим человеком. Несмотря на то что многие епископы и аббаты происходили из королевских и княжеских родов, Церковь строилась на демократических основах, а значит, большую роль в карьере играли личные качества – административные или дипломатические способности, да и просто ум. Кроме того, Церковь всегда была интернациональна. Эта по преимуществу монашеская организация подчинялась уставу святого Бенедикта, а вовсе не правилам, регламентировавшим жизнь мирян на той или иной территории. Выдающиеся деятели Церкви XI–XII веков были уроженцами самых разных уголков Европы. Архиепископ Кентерберийский Ансельм начал свой путь в родной Аосте, откуда перебрался в Нормандию, а после в Англию; такой же путь, только из Павии, проделал и его предшественник, тоже ломбардец, – Ланфранк. В этот список можно включить почти всех видных иерархов раннего Средневековья. Сегодня вы не встретите ничего подобного ни в Церкви, ни в политике: нельзя представить, чтобы кентерберийский престол занял итальянец, которого сменил бы... другой итальянец! Сегодня такое возможно – и нередко наблюдается – в сфере науки. Отсюда следует простой вывод: там, где развитие теории и практики имеет для нас первостепенное значение, принцип интернационализма никем не оспаривается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.